

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ И ТОПОНИМОВ

1. Как известно, географические термины и топонимы различаются тем, что первые называют класс однородных географических предметов, а вторые именуют отдельные такие предметы, что первые выражают понятия, а вторые их не выражают. Иными словами, различие заключается в том, что географические термины являются нарицательными названиями, а топонимы – собственными. В этом смысле данные две лексические группы, допуская многочисленные случаи перехода слов из одной группы в другую, не допускают никаких переходных состояний: либо топоним, либо номенклатурный термин, какого-либо среднего (третьего) состояния оно не может иметь.

2. Однако этот вопрос можно рассмотреть и с другой точки зрения, несколько не исключаяющей первую. Ни по распространению, ни по семантической емкости географические термины не являются однородными. Наиболее распространенные из них обычно и наиболее всеобъемлющие, наиболее абстрактные: они группируют географические явления лишь по немногим признакам, часто только по одному, абстрагируясь от остальных признаков.

Так, термин *река* указывает на признак постоянности течения воды, а термин *гора* – на признак возвышенности (в обоих случаях им сопутствует также признак значительности размеров). Если к этим признакам прибавить еще только по одному, то вместо слов *река* и *гора* появятся десятки географических терминов, обозначающих разные виды рек и гор. Эти термины имеют употребление.

Такую операцию можно повторить несколько раз, получив в результате для каждого общеупотребительного географического термина типа *река*, *гора*, *озеро*, *лес* и т. д. пирамиду географических терминов, в которой каждый нижний ряд отличается от верхнего большей локальностью и меньшей абстрактностью: термины каждого последующего ряда учитывают все большее количество признаков географических объектов, являясь все более конкретными. Одновременно количество предметов, составляющих объем географического термина, с каждым рядом все более уменьшается.

И самый нижний ряд такой пирамиды составляют... топонимы. Именно в топонимах завершаются все те тенденции, которые формируют описанную пирамиду географических терминов. Локальность сводится к точке, количество

предметов-представителей – к единице, абстрактность исчезает, а количество признаков, учитываемых названием, охватывает все признаки данного географического объекта.

С этой точки зрения дихотомическое членение географических названий заменяется многослойной иерархией, которая вполне допускает географические термины, более или менее отдаленные от топонимов, допускает и состояния, являющиеся в известном смысле переходными.

3. Может вызвать сомнение мысль о том, что в топонимах количество признаков, учитываемых названием, охватывает все признаки данного географического объекта. Это объясняется тем, что топоним не перечисляет признаков объекта, а именуется им в целом. Но топонимическое значение собственного географического названия является ведь не чем иным, как указанием на признаки предмета. Имея в виду определенный географический объект, топоним тем самым по сути указывает на совокупность его признаков.

Собственно говоря, топонимы, будучи знаками для различения географических объектов, сами по себе никаких признаков этих объектов не выражают. Если мы впервые слышим какое-либо собственное географическое имя, то никаких признаков соответствующего географического объекта мы из этого имени, конечно, не извлечем. Именно данную ситуацию характеризуют известные слова К. Маркса: «Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом»¹. В этом случае топоним содержит для нас не признаки географического объекта, а лишь потенциальную возможность выражать эти признаки. Но чем больше узнаем мы об объекте, тем большим количеством признаков насыщается его название. Знания об объекте концентрируются в его названии, которое может заменять целые страницы описания.

В этом можно убедиться на примерах, когда от топонима отнимается хотя бы один (известный нам) признак географического объекта. Нечто подобное сейчас происходит с топонимом *Черемушки*, названием наиболее известного района новостроек Москвы. Газеты пишут о *Черемушках* в разных городах, например: «В район Чиланзара – ташкентских Черемушек оперативно переселяются те, чьи дома грозит разрушить новое землетрясение» («Известия» от 13. мая 1966 г.).

Топоним Черемушки в подобных случаях утрачивает лишь один признак – «московский, находящийся в Москве», и тем самым по сути перестает быть топонимом. Когда говорят о ташкентских или минских *Черемушках*, то эту лексему употребляют как наименование класса однородных предметов, а не единичного предмета – как географический термин, а не топоним. Только

молодость такого употребления позволяет здесь пользоваться еще прописной буквой. Если подобное употребление закрепится традицией, то прописная буква, несомненно, со временем заменится строчной.

4. Именно таким путем, путем утраты одного или нескольких признаков, топонимы и превращаются в нарицательные географические термины. Ср. укр. *дунай* – «поток; разлив реки» и румынские видовые названия проточной воды – *nîstru, prut*²). Ср. также научный географический термин *меандр*, возникший из собственного имени извилистой реки *Меандр*, и т. д. И если две противоположные части г. Хмельника, Винницкой области УССР, наиболее удаленные от центра, имеют бытовые названия *Сахалин* и *Камчатка*, то здесь мы имеем дело не просто с перенесением топонимов, а с выделением в них только некоторых признаков, с пониманием их как наименований для целого класса объектов. Иначе говоря, топонимы делают здесь шаг к географическим терминам, хотя и не становятся еще ими.

Переход топонимов в географические термины имеет, таким образом, принципиальное отличие от многочисленных превращений их в разные нарицательные слова негеографической семантики (*Боржоми* > минеральная вода *боржоми*, *Бостон* > сукно *бостон* и т. д.). В первом случае собственное географическое имя только теряет часть признаков, а во втором оно одновременно и приобретает ряд новых признаков.

5. Противоположный процесс увеличения количества признаков, учитываемых названием, приближает географические термины к топонимам, а иногда и превращает их в топонимы. С увеличением числа учитываемых признаков смысл географического термина становится столь конкретным, что лишь небольшое количество объектов отвечает этому термину. Если при этом данные объекты рассеяны на территории достаточно редко, то в каждом отдельном случае географический термин употребляется как собственное имя объекта. Ср. наименование на Буковине некоторых хуторов *Выгнанкой*, речек – *Млынивкой*, пастбищ – *Толокой*.

Географические термины могут превращаться в топонимы на разных уровнях и в разных ситуациях. Например, среди группы однородных географических объектов наиболее существенный для населения называется часто только номенклатурным именем (которое, таким образом, становится топонимом), а для остальных объектов образуются специальные наименования, отличные от номенклатурного. Население ограничивается только номенклатурным именем и в том случае, если на данной территории есть лишь один объект определенного типа, и его поэтому нет нужды как-то выделять из числа однородных объектов.

Эти пути перехода географических терминов в топонимию, представляющие разновидности топонимической синекдохи, дополняются еще более многочисленными случаями топонимической метонимии, когда географический объект получает в собственные имена номенклатурное название другого, находящегося рядом объекта. Например, селение возле *багны* (болотистой местности) называется *Багной*.

Но основным видом связи географических терминов с топонимами является описанная выше их конкретизация, которая заключается в возрастании количества учитываемых признаков географических объектов.

1 К. Маркс. Капитал, т. 1. Госполитиздат, 1955, стр. 107.

2 I. Iordan. Toponimia romineasca, (Bucuresti), 1963, стр. 95.